

УДК 34.01

Исторические тенденции формирования правовых основ выемки и ее последствий по российскому законодательству (начало X – конец XVIII в.)

Муратов К.Д.

Аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Казанского (Приволжского) федерального университета

Древние нормы права позволяют исследовать генезис того или иного современного процессуального или следственного действия. Выемка предметов, документов, ценностей, имущества по уголовному делу и ее правовые последствия имеют с точки зрения социального (общественного) значения большой резонанс. Изъятые предметы надо оценить или как орудие преступления, например, или как способ восстановления нарушенных прав, или как возможность применения иных мер уголовно-правового характера. В связи с этим в статье прослеживается генезис этого правового явления.

Ключевые слова: письменные памятники права, древние процедуры, выемка, конфискация имущества, исторические традиции, следственный процесс.

Кто жил для своего времени, тот жил для всех времен.
Гете

История отечественного уголовного судопроизводства отражена в древних письменных памятниках русского права, которые донесли до современников правовую мысль поколений. При изучении литературы мы ознакомились с уникальными памятниками истории – воспоминаниями современников об уголовном процессе, о методах ведения следствия и следственных действиях, об изъятии предметов и имущества и об отношении авторов воспоминаний к событиям прошлых лет [1-9]. Можно ли, основываясь на современных представлениях о праве, понять смысл и значение древних процессуальных процедур, которые, порой, были наивными, но отражали эпоху? Так, В.И. Даль приводит поговорку о выемке применительно к толкованию слова «вынимать» (брать, доставать, вытаскивать, выкапывать, выкладывать): *у кого покрали, а к нам с выемкой*; выемщик – посыльный или понятой для выемки, полицейского обыска [10, с. 158]. Интерес современников к таким памятникам писаного права как Русская Правда (XI-XII), Псковская судная грамота (1467 г.), Новгородская судная грамота (1471 г.) Судебник Ивана III (1497 г.), Судебник Ивана IV (1551 г.), Соборное Уложение (1649 г.), Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.), Судебные уставы (1864 г.),

Уголовное уложение (1903 г.) обусловлен проблемами современной юриспруденции.

При анализе известного письменного памятника русского законодательства – Русской Правды С.В. Юшков показал значение древнего права [11, с. 271, 287-288]. Уже давно в литературе обращается внимание на то, что первые законы, в первую очередь, касаются уголовного права. Нормы, выработанные княжеской судебной практикой, и нормы обычной практики привели к возникновению такого памятника права как Русская Правда. Русская Правда – памятник светского писанного права Руси XI-XII веков, открытый в XVIII веке русским историком В.Н. Татищевым и дошедший до нашего времени в трех редакциях: краткой, пространной и сокращенной. Русская правда регулирует следующий круг отношений: нарушение прав собственности, долговые отношения, семейные отношения, судопроизводство, порядок уголовного следствия – дознания (свода) и заслушивания свидетелей (видок) [12, с. 298-299]. Русская правда определяет внешние признаки того, что произошло, а также – твердые суммы штрафов [см.: 12]. Н.Л. Дювернуа писал – лицо со своим чувством обиды, со своим сознанием права везде на первом месте. Ярославова Правда говорит

о мести за убийство близких людей, о насилиях над лицом, о присвоении имущества; восстанавливает нарушение сам потерпевший [13, с. 81]. Как пишет А.В. Коновалов об исследованиях Н.Л. Дювернуа – «особенности древнего процесса обнаруживают общие представления о справедливости, в частности, практика приоритетного соблюдения интересов пострадавших от уголовных преступлений» [13, с. 21]. По мнению учеников видного историка русского права С.В. Юшкова, В.М. Клеандровой и О.И. Чистякова, он, исследуя тексты Русской Правды, отмечал, что происходит развитие уголовно-правовых норм с усилением классово-дифференциации в законе.

В Русской Правде продолжается развитие уголовного права и процесса, в частности возникают нормы об ордалиях [11]. Процесс всегда начинался с «заклича» – объявления потерпевшим (обворованным, могли украсть не только вещь, но и холопа) на «торгу» (самой людной площади, обычно торговой), о том какая вещь (холоп), по индивидуальным признакам, была у него похищена. Состоял же процесс из «свода» – поиска путем опроса всех бывших обладателей вещи от одного лица к другому до тех пор, пока не будет найден тот, кто не смог бы объяснить, от кого у него появилась похищенная вещь; и «гонения следа» – заключавшегося в розыске потерпевшим преступника, скрывшегося с места происшествия, по оставленным им следам. Таким образом, «заклич», как объявление потерпевшим о пропаже вещи, всегда служил началом досудебной подготовки в древнерусском уголовном процессе. Эти исследования показали, что уровень правового развития в Киевской Руси был достаточно высок – киевские князья были готовы установить единую систему наказаний на территории всей Киевской Руси, т.е. единые размеры виры за убийство и другие виды взысканий [11]. Исследователи склонны считать [14], что именно в Русской правде впервые встречаются упоминания о конфискации – «поток и разграбление» («поток» – в древнерусском законодательстве как заточение, изгнание и заключение в темницу [15, с. 14]), которые назначались в трех случаях – за убийство в разбое, поджоге и конокрадство.

Таким образом, отыскание, изъятие и возвращение вещи потерпевшим, также имущественные виды наказаний «поток и разграбление» – это основные древние процедуры, первоначально называвшиеся «заглаживание обиды», «дейтельное покаяние», ставшие, как нам представляется, историческими прообразами уголовно-процессуальных и уголовно-правовых явлений – выемки предметов и документов, обнаружения собственности, наложения ареста на имущество и денежные средства с целью возможной конфискации имущества или возвращения вещи собственнику.

Следующим законодательным источником права на территории Древней Руси можно считать Псков-

скую судную грамоту – свод законов Псковской феодальной республики, составленный в 1467 г. на базе отдельных постановлений псковского вече, господы (совета бояр), княжеских грамот, норм Русской Правды и обычаев [12, с. 279]. Достаточно много положений Псковской Судной грамоты посвящено имущественным спорам и процедурам в связи с имуществом. Устанавливалось – «кто станет требовать отданное на хранение имущество по доскам, без точного обозначения, по старому обыкновению, искомым вещей, тот теряет иск» (ст. 19). Так, ст.ст. 46 и 54 говорят об «опознании своего краденного имущества» и об «опознании собственника своего имущества» и правовых последствиях этой процедуры – в первом случае – «потеря иска» и «возврат имущества». Далее процедуры регламентировались следующим образом – «Если кто-нибудь потребует у князя или посадника пристава для выемки поличного у вора, то князь или посадник должны отправить в качестве приставов людей добрых, благонадежных» (ст. 57). К незаконному изъятию имущества древний закон подходил строго. Так, согласно ст. 67 Псковской Судной грамоты, если истец, приехавши с приставом, возьмет у ответчика что-нибудь из имущества в возмещение своего долга самовольно, а не по приговору суда, то за это он привлекается к ответственности, как за грабеж. За грабеж же присуждается рубль пени, то, что тоже и плата приставу ложится в этом случае на истца, виновного в самоуправстве. По мнению исследователей, в Псковской Судной грамоте дальнейшее развитие получила конфискация – упоминается о штрафе «продажа»; штраф взимался уже не в пользу пострадавшей стороны, а в доход князя, что свидетельствует о его официальном характере [14, с. 339-344].

Таким образом, в середине XV века в Псковской Судной грамоте достаточно четко закреплялись процедуры действий по «выемки поличного», «обыска хранилища», «опознания краденного», «хранение имущества», ставшие прообразами современных аналогичных следственных действий и их правовые последствия – гражданско-правовые в виде – «потери иска», «возврата имущества», уголовно-правовых в виде наказания – конфискация (штраф – «продажа») и установление ответственности – за «возмещение долга самовольно» – «на истца виновного в самоуправстве».

Другой памятник русского права – Новгородская судная грамота – судебный кодекс Новгородской феодальной республики XV века, дошедшей до нас в редакции 1471 г. в единственном списке (без окончания). Сохранившийся фрагмент дает представление о древних судебных действиях – «А ответчику с послухом на учане крест целовать» (ст. 19), «А земное орудье судите два месяца, а больши дву месяц не волочити» (ст. 28): «А не кончат судья земного орудья в два месяца, ино итцю взять на него приста-

вы у Великого Новгорода, ино ему тот суд кончати перед тыми приставы» (ст. 29). «...Убытки истцю подоймет» (ст.ст. 28, 37) [16, с. 21-25]. Судебными правами обладали все органы власти и управления: вече, посадник, тысяцкий, князь, боярский совет, архиепископ, сотский, староста [12, с. 225]. *Таким образом, продолжают совершенствоваться судебные процедуры по обеспечению иска и возврата имущества, установления сроков рассмотрения дела и расширения такого вида наказания как штраф и на другие деяния – «татьба с поличным», «разбой и грабеж», «поголовщина», «холопство».*

В XV-XVI вв. были созданы следующие крупные общероссийские законы: Судебник 1497 г. Великого князя Ивана III (Княжеский Судебник) и Судебник 1551 г. Царя Ивана IV (Царский Судебник). Судебник Ивана III – первый русский общегосударственный судебник, важнейший памятник юридического характера Московской Руси конца XV века. Главной целью Княжеского Судебника было распространение юрисдикции Великого князя на всю территорию централизованного Московского государства. Главным судьей являлся Великий князь с детьми своими, но право суда он представляет также боярам, окольничим, наместникам или волостелям, которые, однако, не могли судить без старосты и «лучших людей». Судебник 1497 г. запрещал судьям (правда, без каких-либо санкций для них) всякое пристрастие и лихоимство, однако судьи были весьма заинтересованы в суде и его исходе не только из-за громадных судебных пошлин, но и потому, что после удовлетворения требований истца им *отдавалось имущество осужденного*. Как отмечают исследователи, Судебник 1497 г. несколько иначе регламентировал конфискованное (изъятые) у виновного имущество – обращалось в пользу лиц, вершивших правосудие, что являлось своеобразной формой компенсации судебных расходов [14, с. 339]. Усиливаются элементы розыскного процесса. Однако уголовные дела все еще решались поединком сторон («подем»); в случае совершения убийства, поджога, разбоя, кражи церковного имущества побежденного в единоборстве считали виновным и казнили смертью; за первую простую кражу секли кнутом и лишали имущества [12, с. 339]. Как отмечается, Судебник вводит новую форму процесса и различает старый – исковой состязательный, т.е. суд и новый сыск, следственный, инквизиционный, розыскной процесс, где начали использоваться особые средства отыскания юридической истины: обыск и пытку [17, с. 149]. По Судебнику 1497 г. обыск и пытка являлись основными методами ведения уголовного процесса, причем все уголовное судопроизводство того времени именовалось обыском. Обыск рассматривался как деятельность по сбору доказательств, от результатов которой зависел способ суда над подсудимым [18, с. 127-128].

Большой интерес представляют нормы Судебника 1497 г. по борьбе с так называемыми «ведомыми лихими людьми». К «ведомым лихим людям» по приговорам общества могли быть отнесены любые правонарушители, даже не уличенные в конкретном преступлении. Это была своеобразная форма защиты общины от социально опасных людей, которые, преступив рамки дозволенного, лишались ее покровительства и выдавались государству. Белозерская губная грамота 1571 г. раскрывает в общих чертах механизм «облихования» (обвинения) правонарушителя: «Скажут в обыску про них, что они лихие люди, а лиха про них в обыску не скажут, и старостам тех людей по обыску пытати; не скажут на себя в разбое... и старостам тех людей по обыску посадить в тюрьму на смерть» [19, с. 18]. Определение выемки по Белозерской грамоте связывалось действиями, потерпевших. Если потерпевший в процессе розыска предполагал у кого-либо найти поличное, он должен был обратиться к судьям с просьбой о даче ему пристава для производства выемки, которая производилась самим истцом с приставами, старостами и добрыми людьми (понятыми). Но предварительно перед выемкой у истца спрашивали, какое именно поличное он ищет. Вероятно, такой порядок выемки, когда производившее его лицо должно было подвергнуться тщательному личному осмотру, применялся и в других случаях, исключая, разумеется, выемку такого поличного, которое истец не мог прятать при себе, например, лошади, коровы. Поличное в древнем процессе имело не только уголовно-правовое, но и процессуальное значение. Факт его отыскания предполагал начало уголовного судопроизводства. М.Ф. Владимирский-Буданов подчеркивает, что более строгое наказание вора, захваченного с поличным, характерно для древнего права всех народов. «Поличное» – непосредственная улика в виде украденных вещей, найденных у похитителя под замком. «А поличное то, что выимут из клетки из-за замка; а найдут что во дворе, или в пустой хоромине, а не за замком, ино то не поличное» [20, с. 331-332].

Таким образом, увеличивается значение сыска, розыска (обыск и пытки), появляются первые упоминания о понятии выемки и особенностях ее древней процедуры «поличного» имущества (искомой вещи) потерпевшим, обнаружение которого влекло определенные последствия: а) начало преследования «облихование», «обвинения», б) возвращение имущества потерпевшему, в) назначение имущественных мер наказания – штраф или денежное взыскание, г) конфискованное (изъятые) у виновного имущество – обращалось в пользу лиц, вершивших правосудие.

Судебник Ивана IV или Царский Судебник – сборник русского феодального права был утвержден на земском соборе в 1550 г. и одобрен Стоглавым церковным собором в 1551 г. Был обнаружен в 1734 г. и дошел до наших дней благодаря историку В.Н. Та-

тищеву. В Царском Судебнике повторены почти все статьи Княжеского Судебника и отражены изменения в российском законодательстве, произошедшие в 1497-1550 гг., однако он отличается большей полнотой, так как включает в себя уже 100 статей. Его составление было направлено на укрепление царской власти Ивана IV. Состав судебной власти расширен: кроме лиц, перечисленных в Судебнике 1497 г., судьями являются также дворецкие, казначеи, дьяки и всякие приказные люди. В Судебнике 1550 г., кроме того, появляется понятие «крамола» и «земская измена» как политические преступления [20, с. 340-341]. Система наказаний усложняется, возникают новые цели наказания: устрашение и изоляция преступника [21, с. 12]. *Второй целью наказания, как отмечает М.Ф. Владимирский-Буданов, есть имущественные выгоды, к которым можно отнести только те виды наказания, которые избраны и установлены по соображениям имущественным: пеня, продажа, конфискация* [20, с. 354].

Вначале, до Судебников 1497 и 1551 гг., всякий процесс был обвинительным, затем из общей нормы выделяется особый процесс для дел разбойных, а потом для дел по убийству и татьбе с поличным. В эпоху Ивана IV Грозного эти оба порядка (состязательный и розыскной) существуют совместно и для гражданских дел, и для уголовных [22, с. 30]. О значении государственных начал говорит отношение к «жалобнику», который приходит с «жалобницей» – «...жалобник бьет челом по делу, ино челобитье его сказати царю государю... будет жалобнику без государева ведома управы учините не можно» [16, с. 47-48]. Кроме того, пойманные начинают расспрашиваться о сообщниках, что также свидетельствует о деятельности государства по уголовному преследованию «лихих людей». Розыскной процесс таким образом становится независимым от обвинительного, и в конце концов при Петре I всякий процесс становится розыскным [20, с. 584, 604]. Таким образом, функцию уголовного преследования и разрешения дела государство взяло на себя [23, с. 19]. При допросах шире стала применяться пытка как действенное средство принуждения, а если обвиняемый получал характеристику «лихого» человека, то он в любом случае допрашивался с применением пытки. Если под пыткой обвиняемый признавался, то его казнили, а если нет («не скажет на себя сам») – то пожизненно заключали в тюрьму с обязательным возмещением за его счет иска [23, с. 19]. Менее известен Судебник 1589 г. царя Федора Ивановича, где появилось понятие повторного обыска – «и по тем лживым обыскам дел не виршити, а посылати в другие обыскивати», сам обыск понимается как мирской обыск: «...шлются ...на мир в обыск» [21, с. 70-71].

Таким образом, розыскные процедуры продолжают совершенствоваться: началом розыска может

быть древний документ – «жалобница»; «распрос пойманных о сообщниках»; «допрос “лихого” человека», а также излагаются правовые последствия отыскания вещи в виде «имущественной выгоды» позволяют сформировать новые и развить имеющиеся имущественные виды наказаний: пеня, продажа, конфискация.

Исследуя исторические традиции отечественного права, нельзя не обратить свое внимание на Соборное Уложение 1649 г., которое является крупнейшим памятником русского феодального права и представляющим собой кодификацию всех основных отраслей русского законодательства. Как считает М.Ф. Владимирский-Буданов, все главы Уложения можно разбить на пять главных групп, соответственно главным отраслям права: гл. 1-9 содержит государственное право, гл. 10-15 – устав судостроительства и судопроизводства, гл. 16-20 – вещное право, гл. 21-22 – уголовное уложение, гл. 22-25 – добавочная часть: о стрельцах, о казаках, о кормчих [20, с. 155]. В главе XXI «О разбойных и о татинных делах» говорится о ведении дел о разбойниках и убийцах ведут «в Розбойном приказе» (ст. 1 гл. XXI). Следственные процедуры описываются более четко: «А на которого человека в расспросе и на очной ставке его познает..., и того человека по язычной молке пытать» (ст. 38 гл. XXI); «А в обыску его назовут половина добрым человеком, а другая половина назовут лихим человеком, и того человека пытать» (ст. 42 гл. XXI); «А который человек с приставы и с понятыми поличного у себя вынять не даст, или у него поличное вымут, а он у них то поличное отымет и про обыскать понятыми и сторонними людьми, и того человека пытать и указ чинити» (ст. 57 гл. XXI); «А которые исцы с разбойниками или с приводными людьми с поличным в розбойных делах, не дожидаясь указу, учнут мириться, и мировые челобитные учнут в приказ приносить, и тот их мир ставити не в мир, и розбойником указ чинити, по государеву указу, кто чего доведется. А исцом за то пеня смотря по делу не мирися с розбойники» (ст. 31 гл. XXI) [16, с. 124-125].

Таким образом, Соборное Уложение 1649 г. впервые, на наш взгляд, формирует идею о создании формальных процедур розыска и изъятия имущества, которые становятся прообразами узнаваемых современниками следственных действий: первая – показания о ворованной вещи «перед очами друг друга» – «расспрос на очной ставке», вторая – участие в выемке имущества иных незаинтересованных лиц – «с приставы и понятыми поличное вымут», третья – формирование правовых последствий отказа добровольной выдачи вещи – «...он же и поличное отымет, то обыскать понятыми и сторонними людьми», четвертая – возможность примирения при возврате имущества, т.е. возмещения вреда и наличии воли государя – «исцы с разбойниками или с приводными людьми мирити» – приобретающие

доказательственное значение.

Продолжением развития форм розыскного процесса явились многие известные исторические письменные памятники русского права – «Краткое изображение процессов и судебных тяжб» (1715), инструкция 1756 г. «Определенному для сыска и искоренения воров и разбойников Главному сыщику», положение «О порядке сыска и деятельности и о взаимодействии при этом с другими органами», «Свод законов Российской империи» 1832 г., 1842 г., 1857 г. Судопроизводство делилось на три части: следствие, суд и исполнение. Следствие включало в себя два вида (предварительное и формальное) и проводилось полицией. Созданная в 1722 г. Петром I прокуратура – «око государево» – призвана была осуществлять «формальный надзор за законностью и деятельностью чиновников» и «чтения текстов вновь полученных законов чиновникам». В 1775 г. в каждой губернии создан штат чинов прокурорского надзора (губернский прокурор с двумя помощниками – «стряпчими» по уголовным и казенным делам) [21, с. 18].

Только с 1860 г. появились особые судебные следователи в составе судебного ведомства. На предварительном следствии надлежало выяснить «сogrus delicti» (существо дела), для чего производились допросы, осмотры, выемки, обыски, вызов или привод подозреваемого, его допрос и принятие в отношении него мер пресечения, в ряду которых особую роль играло личное задержание. На стадии формального следствия должны были быть окончательно установлены все обстоятельства дела, собраны и зафиксированы все доказательства, чтобы суд не встретил «ни малейшего затруднения или сомнения для постановления по делу приговора» [24, с. 35]. Наблюдение за ходом следствия и за соблюдением прав обвиняемого возлагалось на прокуроров и стряпчих. Также за соблюдением прав и законных интересов обвиняемого во время процесса должны были наблюдать депутаты, избравшиеся из того сословия или ведомства, к которому принадлежал обвиняемый [23, с. 31].

Так как отделение следствия от суда произошло еще в царствование Екатерины II, то и распоряжения о порядке передачи следствий по уголовным делам из полицейских мест в судебные получили свое начало в ее царствование. Екатерина II написала законопроект «Наказ» (1766 г.) с тем, чтобы выработать новые представления о системе законодательства. «Кто задержан ради легких вин, да освободится; кто же приведен или пойман в проступке, суду подлежащем, или преступлении уголовном, да отошлется, буде исследовано, с делом, не выходя из присутствия, в суд, куда по законам надлежит» – говорилось в ст. 42 Устава Благочиния 1782 г.

Согласно указам Екатерины II 1767 и 1768 гг. «следователи не должны излагать мнений или за-

ключений по делу, ибо это составляет принадлежность судебных мест. Обязанность следователей состояла в приведении в ясность обстоятельств дела, подлежащего их исследованию. Сверх представления следствия на суждение судебным местам велено отсылать в судебные места не для суждения, но для ревизии порядка в производстве, следствия такие о преступлениях, по которым не открыто виновного, а также и о таких происшествиях, в которых не открыто ни преступника, ни преступления, как то: о скоропостижно умерших от болезненных припадков, об утонувших, о повесившихся и других самоубийцах, о пожарах, случайно происшедших, и подобных приключениях» [цит. по: 25, с. 155-156]. Однако уголовное судопроизводство тех лет нуждалось в существенной ревизии. Средством изменения сложившегося положения дел выступала коренная реформа в юстиции, ибо «как ни подпирать, чинить и штукатурить старое здание, а все таки в нем долго прожить будет невозможно. Надо было совершенно из него выселиться...». Суд «не мог быть заключен в прежние, обветшалые, узкие, лишенные жизненной правды формы» – писал знаменитый русский юрист XIX века А.Ф. Кони [26, с. 204].

Таким образом, к концу XVIII века следственный процесс как самостоятельный вид государственной деятельности сложился и включал в себя два вида (предварительное и формальное) и проводился полицией. Цель этого процесса была очевидной – производство следственных действий, окончательное установление всех обстоятельств дела, сбор всех необходимых доказательства при непосредственном наблюдении за ходом следствия и за соблюдением прав обвиняемого сословными депутатами, прокурорами и стряпчими. Все эти исторические тенденции в развитии правовых основ выемки предметов и документов сформировали современный уровень правового регулирования данного следственного действия и его правовых последствий – арест имущества и денежных средств, хранение, передачу или уничтожение вещественных доказательств, конфискация имущества по приговору суда или возвращение законному владельцу.

Литература:

1. Белоконский И.П. Дань времени. Воспоминания. – М.: Ржевская типография, 1928. – 371 с.
2. Строгович М.С. Судебный процесс над убийцей Жана Жореса. – М.: Юрид.лит., 1971. – 64 с.
3. Валиев А.Х. Записки военного прокурора (Великая отечественная война 1941-1945). Документальная повесть. – Казань: Изд-во «Матбугат йорты», 2000. – 144 с.

4. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век. 1937-1953 гг. – М.: Росс. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 536 с.
5. Валиев А.Х. Тридцатые годы взгляд прокурора и узника. – Казань: Книга Памяти, 2003. – 128 с.
6. Амиров К.Ф. Четыре срока прокурора республики. – Казань: Мастер Лайн, 2006. – 148 с.
7. Валиев А.Х. Мой век. – Казань: Центр инновационных технологий, 2006 – 140 с.
8. Шабалин Е.Н. Потомкам. – Казань: Рухият, 2009. – 96 с.
9. Гайданов О.И. На должности Керенского, в кабинете Сталина. Прокурор России вспоминает... – М.: Изд-во Алгоритм, изд-во Эксмо, 2005. – 464 с.
10. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 736 с.
11. Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, её значение / Под ред. О.И. Чистякова. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. – 400 с.
12. Всемирная история государства и права: Энциклопедический словарь / Под ред. А.В. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 398 с.
13. Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней России: Опыты по истории русского гражданского права / Предисловие к.ю.н. А.В. Коновалова. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – 394 с.
14. Абраменко В.Б. Генезис института конфискации имущества по законодательству Российской Федерации // Борьба с преступным насилием. Материалы межведомственной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Ю.М. Антоняну (26 сентября 2008 г.). – М.: ВНИИ МВД России. – С. 339-344.
15. Сидоркин А.И. Генезис наказаний, связанных с лишением и ограничением свободы в русском уголовном праве IX-XVII вв. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 344 с.
16. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X век – 1917 г. / Сост. д.ю.н., проф. В.А. Томсинов – Москва: ЗЕРЦАЛО-М, 2004. – С.21-25 (381).
17. История российского правосудия: учебное пособие / Под ред. Н.А. Колоколова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – 477 с.
18. Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. – М.: Наука, 1989. – 256 с.
19. Сичинский Е.П. Уголовный сыск России в X – начале XX вв.: учеб. пособие – Челябинск: Челяб. юрид. ин-т М-ва внутр. дел РФ, 2002. – 117 с.
20. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на Дону: Изд-во «Феникс», 1995. – 640 с.
21. Халиуллина Л.Г. Эволюция предварительного расследования в России в X – второй половине XX века. Летопись следствия. Документы. Историко-правовое исследование: в 3-х кн. Кн.3. – Казань: Фолиантъ, 2008. – 272 с.
22. Хрестоматия по уголовному процессу России: учеб. пособие / Автор-составитель проф. Э.Ф. Куцова. – М.: Городец, 1999. – 272 с.
23. Новиков С.А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России. – СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – 240 с.
24. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – Т.1. – СПб.: Изд-во Альфа, 1996. – 605 с.
25. Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / Соч. проф. Рихельевского Лицея В. Линовского. – М.: «ЛексЭст», 2001. – 240 с.
26. Кони А.Ф. Судебная реформа и суд присяжных: в 8 т. Т. 4. – М., 1967. – 360 с.

Historical Tendencies of Development of Legal Foundation of Seizure and its Consequences According to Russian Legislation (beginning of X – end XVIII centuries)

K. Muratov

The Kazan (Volga Region) Federal University

Ancient legal norms allow examining the genesis of modern procedural and investigatory actions. Seizure of items, documents, values and belongings in the course of criminal proceedings and its legal consequences evoke a wide response from the point of view of social (public) importance. Seized items must be defined as instruments of crime, way of restoration of violated rights or application of criminal penalties. Thereby the author traces genesis of this legal phenomenon.

Key words: written monuments of law, ancient procedures, seizure, confiscation of property, historical traditions, investigatory action.

